

Римляне въ евангельской исторіи.

Римляне, подчинивши се Палестину со времени Помпей, оставили глубокий следъ не только въ ея политическомъ устройствѣ, но и въ ея нравахъ и обычаяхъ. Римлянамъ іудеи обязаны были тѣмъ, что среди нихъ появился чуждый имъ царь. Іудея, около времени и во время Христа Спасителя, тяжко страдала подъ гнетомъ римскихъ законовъ, или, лучше сказать, римскаго беззаконія. Свой следъ римляне оставили и въ языкѣ іудеевъ. Если въ евангеліяхъ встрѣчаются латинскія слова и конструкціи, то это было естественно. Замѣчательно, что почти всѣ латинскія собственные имена, встрѣчающіяся въ новомъ завѣтѣ, суть прилагательныя или числительныя (Августъ, Густъ, Квартъ, Нигеръ, Секундъ, Тертій и друг.), а несобственные или нарицательныя—почти всѣ только существительныя. Къ послѣднимъ относятся, напр. некоторые военные термины, напр. centurio, custodia, flagellum, legio, praetorium, монеты, напр. as, dinarius, mina, quadrans, части одежды и проч. Филологи отыскиваютъ въ новомъ завѣтѣ нѣсколько фразъ, построенныхъ по образцу латинскихъ. Въ евангеліи отъ Матея встрѣчаемъ: συμβουλιον ἔλαφον соответствуетъ латинской: consilium faciebant, „совѣтъ сотвориша“, „имѣли совѣщеніе“. Евангелистъ Иоаннъ часто употребляетъ ідоу или ідѣ съ именительнымъ, что соответствуетъ именительному латинскому съ ессе и еп (русск. „се“, „вотъ“). У ев. Марка: τῷ ὄχλῳ τὸ ἰχανὸν ποιῆσαι, лат. populo satisfacere, „народу хотѣніе сотворити“, „сдѣлать угодное народу“.

Эти филологическія особенности впрочемъ немногочисленны. Входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ считаемъ излишнимъ.

Для насъ больше интереса могутъ представлять не филологические изысканія, а лица и событія.

Предъ взорами читателя евангелій проходитъ рядъ историческихъ персонажей, принадлежавшихъ къ римскому обществу. Если бы, кромѣ евангелій, у насъ не было другихъ источниковъ, то слѣдовало бы признать, что эти персонажи очерчены предъ нами неопределѣленно. Евангелисты не были лѣтописцами всемірного города и не занимались всемірной исторіей. Они говорили о римлянахъ только тогда, когда это нужно было для евангельской исторіи. Римскій сотникъ, обратившійся ко Христу съ просьбою объ исцѣленіи раба, сотникъ, стоявшій при крестѣ, жена Пилата не называются по имени. Не известно, что за лица были римскіе воины, взявши Христа подъ стражу, бичевавшіе Его и распинавшіе. О крупнѣйшихъ личностяхъ римской исторіи, императорахъ Августѣ и Тиверіи, въ евангеліяхъ упоминается только по одному разу. Объ одномъ только Пилатѣ сообщается нѣсколько подробностей.

Объ Августѣ упоминается въ Евангеліи (Луки) прежде всѣхъ прочихъ римлянъ. Онъ имѣеть лишь самое отдаленное отношеніе къ событіямъ евангельской исторіи. Занятый управлениемъ обширной имперіи, несчастный въ своей семейной жизни, онъ, конечно, ничего не зналъ о томъ, какія величайшія, міровыя событія произошли при немъ въ Іудеѣ. При немъ родился Христосъ; но онъ едва ли что-нибудь и слышалъ о Немъ.

Императоръ и его царство были полною противоположностью Христу и Его царству. Царство Августа отличалось чрезвычайнымъ блескомъ; но въ этомъ царствѣ былъ ощущителенъ одинъ важный недостатокъ, недостатокъ истины. Августъ казался своимъ подданнымъ не простымъ человѣкомъ, онъ былъ „богъ“. Но во всякомъ случаѣ это былъ богъ языческій. По имени императора назывались города въ покоренныхъ римлянами странахъ. Въ честь его строились храмы даже въ самой Палестинѣ. Особые священнослужители, на которыхъ возложено было попеченіе объ этомъ культе, мало, впрочемъ и сами вѣрили въ свое римское божество. Въ Дѣян. они известны подъ именемъ „азіатскихъ начальниковъ“. Они при-

надлежали къ числу образованныхъ римлянъ и обладали авторитетомъ, какимъ не часто обладаютъ и истинные служители Господни.

Собирание точныхъ свѣдѣній о подчиненныхъ провинціахъ было мирнымъ занятіемъ, которое любилъ императоръ Августъ, и даже лично принималъ въ немъ участіе, съ дѣловитостю доброго хозяина и государственного человѣка. Во всѣхъ римскихъ провинціахъ велись тогда переписи, въ чёмъ легко убѣдиться, читая напр. пятый томъ римской исторіи Моммсена.

Ради государственныхъ цѣлей Августъ раздѣлилъ всѣ подчиненные ему провинціи на двѣ большія половины. Одну половину взялъ себѣ, другую отдалъ сенату и народу. Соответственно такому дѣленію однѣ провинціи назывались caesareae или *imperatoris* и другія *senatoriae* и *populi*, т. е. провинціи императора и сената и народа. Первые были преимущественно на окраинахъ государства, тамъ, где требовалось войско. Сенату и народу были предоставлены спокойныя провинціи. Впрочемъ, различіе это было только кажущееся. Августъ обнаруживалъ неограниченную власть въ тѣхъ и другихъ провинціяхъ и вездѣ наблюдалъ за порядками по временамъ лично. Правители императорскихъ провинцій назывались легатами и пропреторами; правители менѣе важныхъ областей—прокураторами; сенатскихъ провинцій—проконсулами. Сирія вмѣстѣ съ Палестиной была провинція императорская. Первоначально, впрочемъ, Палестина сохраняла нѣкоторую кажущуюся самостоятельность, управляясь собственными царями, хотя и подчиненными римскому императору. Но потомъ и такая самостоятельность исчезла.

Кратко обозначая общій характеръ отношений римлянъ времени имперіи къ подчиненнымъ провинціямъ, и въ частности къ Палестинѣ и Іудѣѣ, мы могли бы назвать эти отношения финансовые и экономическими. Ни одинъ вѣдь народъ, кажется, не покорялъ себѣ другихъ народовъ только затѣмъ, чтобы содержать ихъ на собственномъ изживеніи. „Пріобрѣтеніе добычи—основная цѣль войны; въ глазахъ римскаго гражданина этотъ источникъ пріобрѣтенія заслонялъ,

по своему значенію, всякий іной источникъ^е. Впрочемъ, взглядъ на провинціи, какъ на собственность римского государства, какъ на *praedium populi Romani*, сложился у римлянъ лишь постепенно. Сообразить, что обираніе провинцій можетъ быть дѣломъ весьма полезнымъ и пріятнымъ для римскихъ гражданъ, можно было не сразу,— для этого нужень нѣкоторый опытъ, особенно при наклонности къ консерватизму, неповоротливости и неразвязности мысли древняго человѣка. Когда римляне сознали, что провинціи могутъ быть источникомъ богатѣйшихъ поборовъ, и начали въ самомъ дѣлѣ обирать ихъ, то это, конечно, сильно отразилось на ихъ жизни и повлияло на измѣненіе ея условій. Серебрянная салонка, надъ ко-торою издѣвались когда-то въ своемъ отечествѣ карѳагенскіе послы, такъ какъ она одна составляла всю домашнюю сервировку римскихъ сенаторовъ, теперь отошла въ область преданій. Римская хозяйка дома не рестала сама готовить незатѣйливыя кушанья для своихъ домашнихъ, только изъ двухъ блюдъ, ни болѣе ни менѣе, и печь хлѣбы. Теперь, во время имперіи, простыя кушанья замѣнились разными рѣдкостями въ родѣ черноморскихъ сардинокъ, одна коробка которыхъ стоила до 150 р. на наши деньги. Вместо прежняго туземнаго вина, пополамъ смѣшанаго съ водой, стали пить дорогое греческое. Карѳагенъ былъ разрушенъ до основанія и римляне могли бы теперь сами посмѣяться надъ бѣдностью карѳагенянъ даже въ самую цвѣтущую пору ихъ жизни. Римскіе вельможи сдѣлались владѣльцами колосальныхъ богатствъ. Въ Италіи были злани, принадлежавшія частнымъ лицамъ, по объему равныя городамъ. Владѣнія магнатовъ населялись толпами иноземныхъ рабовъ и они казались маленькими на-ціями и частію въ цѣпяхъ обрабатывали землю. Понятно, какъ тяжело все это отзывалось на провинціяхъ. Говорять, что прибытие какого нибудь губернатора, даже въ замѣренную провинцію, мало разнилось отъ нашествія побѣдованной арміи въ страну побѣженного врага. Даже люди, славившіеся своею гуманностію, возвращались въ Римъ почти съ несвѣроятными богатствами, пробывъ въ провинціи сколько лѣтъ. Чего не дѣлалось самими правителями, то дополнялось ро-

ствщиками и арендаторами общественныхъ доходовъ. Богатства самого императора были огромны. Въ его распоряженіи былъ не только *fiscus*—специальная казна императора, но, фактически, и *aegarium*, казнохранилище сената. Кроме того, императоръ имѣлъ еще и частную собственность.

Какъ это ни странно, но величайшее событіе въ христіанской исторіи, рожденіе Спасителя, въ евангеліи Луки близко связывается съ событіями чисто римскаго характера. именно съ переписью народа при Августѣ, цѣлью которой, въ концѣ концовъ, какъ и всякой переписи, было установление известнаго рода политическихъ и экономическихъ отношеній.

Оригинальная критика обрушивается на сообщеніе ев. Луки о „первой“ переписи при Квириніи, около самаго времени рожденія Христа. Возраженія сводятся къ слѣдующему: 1) Квириній не былъ легатомъ Сиріи во время рожденія Спасителя; 2) если бы онъ и былъ легатомъ, то и въ такомъ случаѣ переписи не могло быть въ Палестинѣ около 4-го года до Р. Х. (по нашему счисленію).

Первому мнѣнію нанесенъ былъ, какъ кажется, рѣшительный ударъ, когда открыта была (еще въ 18 вѣкѣ) около Рима, между виллой Адріана и *via Tiburtina*, одна надпись, воспроизведенная и дополненная Моммсеномъ въ 1865 году¹⁾. Самъ Моммсенъ долженъ былъ признать, что Квириній былъ легатомъ Сиріи дважды. Съ Моммсеномъ почти согласенъ и и Кеймъ (немецкій отрицательный критикъ). Слово *iterum*, встрѣчающееся въ этой надписи, Штраусъ пытался объяс-

¹⁾ Текстъ надписи (по Моммсену):

GEM. QUA. REDACTA. POT
AVGVSTI. POPLIQVE. ROMANI. SENATU
SVPLICATIONES. BINAS. OB. RES. PROSP
IPSI. ORNAMENTA. TRIVMPH
PRO. CONSVL. ASIAM. PROVINCIA MOP.
DIVI. AVGVSTI. ITERVM. SYRIAM. ET. PH.

Также надпись съ дополненіями Моммсена. *Vicit Homodanensium gentem et regem: quia redacta in potestatem divi Angusti et populi romani senatus decrevit supplicationes binas ob res prospere gestas; ipsi ornamenta triumphalia. Proconsul Asiam provinciam obtinuit. leg. Divi Angusti iterum Syriam et Phoenicem administravit.* Ср. *Tacit. Annal. III, 48.*

нить нѣсколько иначе, чѣмъ Моммсенъ (именно относя его къ *legatus*). Но Кеймъ называетъ этотъ пріемъ софистическимъ. Отрицательные критики опровергаютъ въ данномъ случаѣ другъ друга.

Второе положеніе опровергнуть труднѣе. Для этого нѣтъ нужныхъ историческихъ данныхъ. Если Квириній и былъ правителемъ Сиріи дважды, то это, по мнѣнію Кейма, ничего не доказываетъ. Перепись въ Палестинѣ не была бы допущена Августомъ, который въ подвластныхъ ему царяхъ Палестины высоко цѣнилъ ихъ царское достоинство¹⁾. Съ такимъ обобщеніемъ Кейма едва-ли можно согласиться. Перепись не была бы допущена и Иродомъ, который, конечно, хорошо зналъ о враждѣ іудеевъ къ счисленію народа. Въ послѣднемъ непремѣнно начались бы волненія по случаю переписи. Между тѣмъ ни о переписи, ни о волненіяхъ нигдѣ ничего не говорится. Въ сообщеніе евангѣлиста Луки вкрадлась, слѣдовательно, историческая неточность. Моммсенъ, признавъ, что Квириній былъ правителемъ Сиріи дважды, отнесся все-таки, по выражению Кейма, „съ дозволительнымъ презрѣніемъ къ теологии, которой не по плечу взятое ею оружіе (*mit erlaubten Hohu gegen eine Thoologie, welche sein Waffen so wenig gewachsen ist*)“.

Справедливо это или нѣтъ, факты остаются фактами. Евреи враждебно относились къ языческимъ храмамъ, циркамъ и амфитеатрамъ; однако можно ли говорить, что, по причинѣ этой вражды, ихъ совсѣмъ не было въ Палестинѣ? Иродъ строилъ храмъ истинному Богу; можно ли говорить, что онъ не строилъ храмовъ императору? Перепись была дѣломъ столь обычнымъ въ Римской имперіи, что, пожалуй, было бы болѣе удивительно, если бы она совсѣмъ не производилась въ Палестинѣ. Упоминаніе о „первой“ переписи въ евангеліи Луки не есть вѣдь сообщеніе о какомъ либо чудѣ, а просто указаніе на историческій фактъ, который, конечно, представляеть

¹⁾ Основаніе для такого мнѣнія, кажется, единственное, — показаніе Іосифа Флавія, который утверждаетъ, что Августъ, промѣ одного Агріппы, никого такъ высоко не цѣнилъ, какъ Ирода.

изъ себя важную историческую подробность, однако не вполне необходимую для разсказа о рождении Спасителя въ Вифлеемъ. О томъ же говоритъ и евангелистъ Матѳей; но о переписи не сообщаетъ. Евангелистъ Лука вездѣ точенъ; ошибка его въ сообщеніи о „первой“ переписи была бы исключениемъ изъ общаго правила.

Обычай переписывать народъ появился у римлянъ гораздо раньше Августа. Начало его относятъ ко времени царя Сервія Туллія. При императорахъ въ каждую провинцію отправлялось особое должностное лицо (*censitor*) съ нужными помощниками. Иногда для той же цѣли посыпался и собственно легатъ. Изготовленіе списковъ производилось по областямъ чрезъ одного приставленного для этой цѣли гражданина при помощи городскихъ счетчиковъ и писцовъ, на основаніи показаній, которыхъ, въ назначенное время, давались разными лицами по определенной, очень обстоятельной формѣ. Лицо вносило въ списки имя свое и своихъ семейныхъ, съ обозначеніемъ ихъ возраста и пола; сюда присоединялись еще свѣдинія объ имуществѣ, рабахъ и скотѣ, также о денежныхъ капиталахъ и арендныхъ обязательствахъ. Оценка отъ времени до времени возобновлялась, лѣтъ чрезъ 10—15. Заявленія о льготахъ цензиторъ могъ по своему усмотрѣнію провѣрять. Если владѣніе переходило къ другому лицу, то обѣ этомъ нужно было заявить, и тогда налогъ записывался за новымъ владельцемъ. Уклоненіе отъ внесенія въ списки вело за собой очень тяжелое наказаніе, рабство. Съ другой стороны, рабъ, внесенный въ списки по желанію владельца, былъ этимъ самымъ актомъ „манумиттированъ“, т. е. отпускался на свободу. Свѣдинія о всемъ этомъ мы получаемъ изъ истории римского гражданского права.

Положеніе римскихъ провинцій ухудшалось прогрессивно. При Тиверіи, который терпѣть не могъ юдеевъ и выгналъ ихъ изъ Рима, Палестина изнемогла отъ тяжкихъ страданій. Тиверій былъ чѣловѣкъ крайне мрачный, склонный къ жестокости и деспотизму. Въ дѣлахъ онъ былъ очень медлителенъ. Отличался грубымъ суевѣріемъ. Онъ сердился иногда безъ всякихъ поводовъ и ни за что осуждалъ на смерть по са-

мымъ ничтожнымъ обвиненіямъ. Приговоры надъ преступниками, осужденными на смерть, онъ не сразу приводилъ въ исполненіе, а заставлялъ ихъ предварительно помучиться въ тюрьмѣ, потому что одна смерть, по его мнѣнію, не была достаточно тяжелымъ наказаніемъ. При вступленіи на престоль онъ, впрочемъ, облегчилъ налоги и отклонилъ слѣдованное ему предложеніе ввести новыя подати, сказавъ, что „добрый пастырь долженъ стричь овецъ своихъ, а не дратъ съ нихъ кожу“. Но потомъ отношенія измѣнились.

Чрезвычайно большимъ зломъ были римскіе publicani. Они принадлежали къ всадническому сословію (ordo equester), чисто военному, занимавшему средину между такъ называемыми орѣгматами и пролетаріями, но не имѣвшему самостоятельного юридического положенія въ государствѣ. Первоначально сословіе всадниковъ пополнялось лицами изъ сенаторскихъ фамилій, но потомъ, понемногу, начало принимать въ себя капиталистовъ, такъ называемыхъ публикановъ (откупщиковъ). Послѣдніе брали себѣ на откупъ провинціальныя, подати: отправляясь въ провинціи, они высасывали соки изъ провинціальныхъ жителей и затѣмъ возвращались въ Римъ гдѣ, истощивъ свои богатства на подкупы влиятельныхъ лицъ и интриги, они возвращались въ провинціи для такихъ же немилосердыхъ поборовъ, какъ и прежде. При собираніи налоговъ въ Палестинѣ они пользовались подонками общества, людьми, потерявшими совѣсть, которые въ народѣ слыли подъ названіями грѣшниковъ, убийцъ, разбойниковъ, язычниковъ. Это были мытари, упоминаемые въ евангеліяхъ.

Римляне собирали подати разной, преимущественно римской монетой. Изъ факта, что Крассъ ограбилъ храмъ, можно видѣть, что они не брезгали и еврейскими сиклями. Налоговъ было три рода: въ евангеліяхъ они называются фôрос, хұзос и тéлос. Строгаго различія между этими терминами, особенно между первыми двумя, провести нельзя. Обыкновенно же фôрос назывался налогъ съ произведеній земли; хұзосъ былъ подушный или поголовный налогъ (=лат. census.), а тéлосъ (см. Мэ. XVII, 25; Рим. XIII, 7)—пошлины (vectigal), уплачиваемые у гаваней и пристаней, городскихъ воротъ или въ

самыхъ городахъ (отъ тѣлъ производится тѣлѣшуръ—мытарь и хорунжий—начальникъ мытарей).

Около времени Христа Спасителя еврейскіе правители въ Палестинѣ, съ соизволенія римлянъ, чеканили собственную монету. До насъ дошли монеты Ирода Великаго, Архелая, Ирода Антипы, Филиппа и Пилата. На этихъ монетахъ, кроме монетъ Филиппа, нѣтъ никакихъ изображеній лицъ, кроме символическихъ знаковъ и надписей. Іудеи прославились своимъ богословіемъ, философіей, знаніемъ музыки; но они всегда были невѣждами въ живописи. Чеканить монеты съ изображеніями лицъ было для нихъ идолопоклонствомъ. Монеты Ирода Филиппа представляютъ странное исключеніе изъ общаго правила. На нихъ изображена, кроме надписей и символическихъ знаковъ, Голова Тиверія, въ "лавровомъ вѣнкѣ". Можно думать, что въ данномъ случаѣ лесть императору пересилила національно-религіозное отвращеніе къ изображеніямъ лицъ. Остальные правители приоравливались въ данномъ случаѣ къ духу іудеевъ. Особенный интересъ для насъ представляетъ динарій императора Тиверія, бывшій въ то время въ обращеніи въ Палестинѣ вмѣстѣ съ другими монетами. Динарій бытъ несомнѣнно представленъ Спасителю фарисеями и иродіанами, желавшими искусить Его. Это небольшая римская серебряная монета, но цѣнности приблизительно равная нашему четвертаку. Такова была обычная древняя заработка плата и въ такомъ же количествѣ уплачивался поголовный или подушный налогъ. На лицевой сторонѣ динарія—бюстъ императора Тиверія въ лавровомъ вѣнкѣ и діадемѣ, а вокругъ надпись TS CAESAR DIVI AUG F AUGUSTUS, т. е. Тиверій кесарь, божественного Августа сынъ, Августъ. На обратной сторонѣ динарія женщина на тронѣ; въ правой руцѣ у нея—скипетръ, въ лѣвой—масличная вѣтвь. Это, вѣроятно, жена покойного Августа, порочная Ливія, мать императора Тиверія. Около изображенія этой женщины надпись: PONTFS MAXMS, т. е. понтифексъ максимусъ, относящаяся, конечно, къ императору.

Вопросъ объ уплатѣ подати кесарю не былъ теоретическимъ вопросомъ, какіе возникаютъ только въ школахъ; онъ былъ

выдвинутъ самою жизнью, быль, если можно такъ выразиться, вымученнымъ вопросомъ. Отрицательное решеніе его могло возбудить преслѣдованія со стороны римлянъ, положительное — недовольство народа. Сами іудеи не могли удовлетворительно разрѣшить его. Поневолѣ они платили дань, оставаясь въ душѣ злѣйшими ея противниками. Въ лицѣ фарисеевъ и иродіанъ они обратились ко Христу, не одинъ человѣкъ и не два, а двѣ партіи, подославъ своихъ шпіоновъ (*delatores* въ исторіи римскаго гражданскаго права,—профессія, особенно сильно развивавшаяся при Тивері). Первая партія была фарисейская, безусловно отрицавшая законность уплаты дани кесарю. Вторая — иродіане. О ней мы не имеемъ точныхъ историческихъ свѣдѣній. Даже самъ нѣмецкій комментаторъ Мейеръ колебался въ ея опредѣленіяхъ. По новѣйшимъ и точнейшимъ изысканіямъ иродіане, не были религіозной сектой, но политической партіей того времени. Можно смотрѣть на иродіанъ, какъ на такихъ людей, которые лояльно признавали права Иродовъ на іудейскій престолъ. Отличаясь отъ крайней секціи фарисеевъ, ненавидѣвшихъ Ирода, и отъ „националистовъ“, партія иродіанъ могла быть среднею, полурумскою и полунаціональною. Въ разматриваемъ событіи иродіане могли дѣйствовать отъ лица Ирода Антипы, который желалъ освободиться отъ страшнаго врага, но самъ не рѣшался выступить противъ Спасителя, и соединились съ фарисеями въ такомъ дѣлѣ, успѣшное окончаніе котораго могло бы вызвать даже признательность съ ихъ стороны и вѣрноподданническія чувства. Думаютъ также, что иродіане подраздѣлялись на двѣ секціи. Одна состояла изъ современныхъ льстецовъ, полагавшихъ, что власть Рима была непоколебима и рѣшившихъ подчиняться неизбѣжному. Они безусловно соглашались уплачивать не только дань Риму, но и сообразоваться съ римскими обычаями, до ношенія въ нужныхъ случаяхъ, даже римской одежды. Они охотно посѣщали амфитеатры Кесаріи, Іерусалима и Іерихона, толпились паразитами въ роскошныхъ дворцахъ Ирода Антипы и не брезгали тѣмъ, что Тиверіада была выстроена на заброшенномъ когда-то кладбищѣ. Вторая секція иродіанъ поддерживала

только иродіанскую фамилію, какъ надежнѣйшій оплотъ противъ Рима.

Отвѣтъ Спасителя на предложенный Ему вопросъ о подати кесарю извѣстенъ. Въ евангеліяхъ Матея и Луки онъ всего на всѣго состоитъ изъ одиннадцати отдѣльныхъ словъ (греч.); въ евангеліи Марка—изъ десяти. Эти немногія слова послужили поводомъ къ составленію множества книгъ, въ которыхъ страницы считаются тысячами. Кто бы и что ни говорилъ, отвѣтъ Спасителя принадлежитъ къ труднѣйшимъ въ области экзегетики. Въ монархическихъ государствахъ изъ него выводятъ понятія о безусловномъ подчиненіи государственной власти. Быть можетъ не самый отвѣтъ, а тѣ выводы изъ него, которые дѣлаются въ абсолютно монархическихъ государствахъ, даютъ поводъ разнаго рода противникамъ государственной власти, каковы напр. анархисты, соціалисты и вообще революціонеры различныхъ „секцій“, ненавидѣть, подобно древнимъ фарисеямъ¹⁾), Спасителя за этотъ отвѣтъ, считать Его не только „консерваторомъ“, но и „ретроградомъ“ политическимъ льстедомъ, примѣнявшимся къ духу времени. Нѣмецкіе ученые, въ толкованіяхъ отвѣта Спасителя, вводятъ понятія, заимствованныя изъ нѣмецкихъ философскихъ системъ, какъ понятія о долгѣ (Pflicht), обязанностяхъ по отношенію къ государству и церкви и даже разсуждаютъ (Мейеръ) о какихъ то „податныхъ системахъ“ и „вѣдомствахъ податныхъ сборовъ“ (Steuerwesen), какія будто бы имѣлъ въ виду въ Своемъ отвѣтѣ Спаситель. Толкованія не только неясны и запутаны, но въ нихъ иногда доходятъ даже до несообразностей и неизвѣстностей. Извѣстный и новѣйшій англійскій комментаторъ евангелій, Морисонъ, влагаетъ, напр. такія рѣчи въ уста Спасителя: „не надѣйтесь поймать Меня въ свою нехитрую ловушку (paltry snare). Миссія Моя иного рода, она не заключается во вмѣшательствѣ въ мелкія политическія распри. Вопросы, возникающіе въ этой области, ничтожны; завтра на смѣну ихъ выступятъ другіе. Людскіе же предразсудки слишкомъ глубоко укоренились, чтобы позволять людямъ прислу-

¹⁾ Смысль отвѣта современные фарисеи понимаютъ при этомъ иначе, чѣмъ древніе (ср. Лук. XXIII, 2).

шаться къ слабому голосу разсудка о данномъ предметѣ (это голосъ Спасителя—то Морисонъ считаетъ „слабымъ голосомъ разсудка“!). Спаситель пришелъ, по мнѣнію Морисона, уничтожить всѣ различія, раздѣляющія однихъ людей отъ другихъ, *партию* отъ *партии*, народъ отъ народа... Въ принципѣ Спасителя, продолжаетъ Морисонъ, допускается, что іудеи должны имѣть дѣло съ кесаремъ и кесарь съ ними (это послѣднее откуда же видно?)... Спаситель допускаетъ, однако, *могла* (подразумѣвательно), что было бы неблагоразумно, при тогданихъ обстоятельствахъ, сопротивляться власти кесаря... Но не выражаетъ ясно принципа, что было законно уплачивать подать кесарю... „Спаситель какъ бы предоставляетъ рѣшеніе всего этого вопроса народной совѣсти. Самъ мудро уклоняясь отъ воспламенительныхъ политическихъ распрай (!!). Обязанности, налагаемыя на іудеевъ ихъ фактическимъ отношеніемъ къ кесарю, они должны, конечно, исполнять; но тутъ не должно быть ущерба для вышихъ божественныхъ прерогативъ... Спаситель дѣлаетъ формальное различіе между тѣмъ, что есть должное по отношенію къ магистратамъ и другимъ правителямъ и что есть должное по отношенію къ Богу; и заповѣдуетъ исполнять тѣ и другія обязанности.

Вотъ тутъ и поймите, о чёмъ именно говоритъ Спаситель въ своемъ отвѣтѣ, согласно толкованію англійскаго комментатора!

Свящ. М. Овецкій.

(Окончаніе будетъ).

Римляне въ евангельской истории.

(Окончание *).

Попытаемся сдѣлать небольшой анализ сообщенія евангелистовъ о дани кесарю въ отвѣтѣ Спасителя фарисеямъ и иродіанамъ и самаго отвѣта Спасителя. Будемъ держаться, по возможности, тѣхъ образовъ и символовъ, какие даны въ евангeliяхъ, и не уклоняться въ стороны. Это необходимо. Когда мы хотимъ дать понятіе о какой нибудь картинѣ, то должны, конечно, хорошенько разсмотрѣть самую эту картину, а не стѣну, на которой она повѣшена. Начнемъ съ конца. Обозначая впечатлѣніе, произведенное на фарисеевъ и иродіанъ, отвѣтомъ Господа, евангелисты единогласно употребляютъ глаголь ὑαυράζω—удивляюсь.: Отвѣтъ Спасителя былъ чудомъ въ словѣ, res mira, былъ удивителенъ. Но если Онъ сказалъ только: платите подать кесарю, или: не платите подати кесарю, если Онъ только отдѣлилъ государственную власть отъ церковной и проч. и проч., то что же тутъ было удивителнаго!? Возвращаемся къ началу и продолжаемъ анализъ. Фарисеи и иродіане спрашивали не о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ повиноваться кесарю, а—слѣдуетъ ему платить подати или пѣтъ. Ученіе о власти могло быть съ ихъ стороны только дальнѣйшимъ выводомъ,—изъ того, что скажетъ Спаситель по вопросу о подати. Отвѣтъ Его былъ именно прямымъ отвѣтомъ, и только—на предложенный Ему вопросъ. Что такое подать? Она не заключается въ передачѣ поданными всего своего имущества главѣ государства. Подать есть

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 22 за 1909 годъ.

извѣстная часть, извѣстный процентъ съ такого или иного имущества, или извѣстная, опредѣленная сумма, налагаемая на лицо, состоящее въ числѣ подданныхъ государства. Но Спаситель не сказалъ: уплачивайте такую-то сумму, одинъ, пять, десять, сто динаріевъ въ пользу государства. Количество подати не опредѣляется. Съ другой стороны, Онъ ве заповѣдалъ и возвращать кесарю все, что отъ него получено, потому что употребленный въ евангеліяхъ глаголь (*ἀπόδοτε*) такого значенія не имѣеть (Мейеръ). Если бы онъ значилъ: „возвращать“, то отвѣтъ Спасителя возможно было бы толковать такъ: „возвращайте кесарю все, полученное отъ него, чтобы быть отъ него независимыми“. И такъ, *Спаситель несомнѣнно повелъ, платить подать кесарю*, хотя и не опредѣлилъ точно, изъ чего она должна состоять. Подать, возбуждавшая недоумѣніе, несомнѣнно принадлежала кесарю. Отдавать другимъ то, что имъ принадлежитъ, естественно. Динарій несомнѣнно полученъ отъ кесаря, ему же долженъ быть и отданъ. Но не этотъ только динарій, а *и всѣ динаріи, полученные отъ кесаря, вообще все, что принадлежитъ кесарю, та тоб кайзарю*, слѣдуетъ ему отдавать. Кесарь можетъ этого не требовать; но если погребуетъ, то слѣдуетъ его требованіе исполнить.

Мы замѣчаемъ, что въ первой части отвѣта Спасителя употребленъ вещественный образъ, паглядно обозначавшій право кесаря облагать данью своихъ подданныхъ. Во второй части никакого вещественного образа иѣтъ. Служеніе Богу отличается духовнымъ характеромъ и въ вещественномъ не имѣеть нужды. Но слово *та* (членъ средн. рода во множествен.), какъ и въ первой части отвѣта, означаетъ множество предметовъ однородныхъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ большими трудностями въ толкованіи. Можно ли провести строгое различіе между тѣмъ, что принадлежитъ кесарю и Богу? Согласимся, что кесарю могутъ не принадлежать многіе или всѣ предметы, которые принадлежатъ Богу. Но Богу принадлежитъ все, въ томъ числѣ и предметы, припадлежащи кесарю. Кесарь обладаетъ разными предметами только въ условномъ смыслѣ, въ силу власти,

данной ему „свыше“. Но въ такомъ случаѣ, отдавая кесарю предметы, на самомъ дѣлѣ принадлежащіе Богу, не значить ли этимъ наносить учрѣба верховной власти Всемогущаго? Повторяемъ, въ выраженіи: „(воздадите) Божіе Богови“ не употреблено никакого виѣшняго образа. Огь этого выраженіе это, повидимому, не отличается опредѣленнымъ характеромъ; владѣніе Божіе, повидимому, не строго разграничено съ владѣніемъ кесаря. Мы не надѣемся проникнуть въ самую глубину отвѣта Спасителя, который отъ того и былъ чрезвычайно глубокъ, что чрезвычайно простъ. Отвѣтъ—выше всѣхъ древнихъ, такъ и современныхъ теорій. Но думаемъ, что желая посильнѣ разъяснить его, не вступаемъ въ область однѣхъ только отвлеченностей, не имѣющихъ практическаго значенія. Продолжаемъ разматривать то, что есть въ евангеліяхъ.

Отвѣтъ Спасителя не было решениемъ такого или иного вопроса въ области гражданскаго или церковнаго права. Нѣтъ, онъ былъ обличеніемъ тайныхъ, сердечныхъ помышленій. Отъ этого онъ и былъ такъ удивителенъ. Враги Спасителя спрашивали Его: слѣдуетъ платить подать кесарю или нѣтъ? Но не только обѣ этомъ. Въ основаніи этихъ двухъ вопросовъ значится еще третій, самый глубокій, самый главный и самый важный: они спрашивали, въ чемъ долженъ заключаться, или каковымъ долженъ быть въ этомъ дѣлѣ ѿбѣсъ тої Геої. „путь Божій“. Ничто не мѣшаетъ и намъ воспользоваться этимъ евангельскимъ образомъ для *наиляднаго* поясненія мысли Спасителя. Этотъ образъ есть ѿбѣсъ, путь. Въ священномъ писаніи слово ѿбѣсъ употребляется много разъ. Есть морской путь (*ѿбѣсъ θαλάσσης*), рѣчной путь, ложе рѣки (*ѿбѣсъ ποταρоў*), путь народовъ (*ѿбѣсъ ἔθνῶν*), путь или полетъ, птицъ (*ѿбѣсъ οἰωνίων*), путь святыхъ (*ѿбѣсъ ἀγίῶν*), путь мира (*ѿбѣсъ εἰρήνης*), путь жизни, спасенія (*ѿбѣсъ ζωῆς, σωτηρίας*), путь Господень (*ѿбѣсъ χορίου*) и проч. Во всѣхъ случаяхъ слово ѿбѣсъ обозначаетъ путь, дорогу, лат. *via*, нѣм. *Weg*, франц. *route* и т. д. Въ русскомъ языке это слово сохранилось даже буквально, въ словѣ „ходъ“= (*ѿбѣсъ*). Спаситель объясняетъ Своимъ слушателямъ, въ чемъ заключается ѿбѣсъ тої Геої, путь Божій. Въ одномъ

мѣстѣ изъ евангелій этотъ путь опредѣляется такъ: „тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь“. Это и есть путь Божій. Егъ можно назвать иначе „крестнымъ путемъ“, или даже „крестнымъ ходомъ“. Символическимъ, хотя можетъ быть и не всегда точнымъ, обозначеніемъ его служатъ наши „крестные ходы“. Кто идетъ по этому пути? Конечно, не возбраняется идти по нему и самому кесарю. Къ сравненію нельзя относиться съ большою строгостю и точностю. Раздѣляемъ путь Божій и путь кесараевъ только ради ясности. Оба пути могутъ ипогда совпадать. Если они раздѣляются, то мысленно, и не всегда на практикѣ. Но какъ бы то ни было, достовѣрно, что поэтому крестному пути шелъ прежде всего самъ Христосъ. Его путь есть истинный „крестный путь“, „крестный ходъ“, *via dolorosa*. Путь этотъ мы можемъ даже съ достаточнouю точностю графически обозначить на любой картѣ Палестины. На немъ отношеніе Самого Христа къ власти кесаря обозначилось совершенно ясно. „Не имаши власти ни единаго на Мнѣ“, сказалъ Онъ представителю власти кесаря въ Палестинѣ, Пилату. Предметовъ, принадлежащихъ кесарю, на этомъ пути можетъ и совсѣмъ недоставать. Тутъ не о чёмъ вести споръ съ кесаремъ. Опъ вѣдь неохотно сталъ бы налагать свою печать на предметы, очень малоцѣнныe съ политико-экономической точки зренія. Путь этотъ постоянно и вѣчно прогрессивенъ. На самомъ концѣ его—вѣчность. Отсюда ясно видно, справедливы ли и насколько справедливы тѣ обвиненія, которые слышатся изъ среды различныхъ „секцій“ противъ Христа. Опъ вѣдь не отличается ни враждою къ прогрессу, ни „ретроградствомъ“. Еще менѣе Онъ виновенъ въ какой либо политической лести. Онъ приглашаетъ всѣхъ, желающихъ слѣдовать за Нимъ, совершать это постоянное и торжественное шествіе,—не исключая ни анархистовъ, ни соціалистовъ,—шествіе все впередъ и впередъ, неукоснительное, отъ колыбели до самыхъ границъ вѣчности. Этимъ путемъ идутъ за Нимъ и съ Нимъ отдѣльные люди, отдѣльные народы. Здѣсь они чувствуютъ себя совершенно свободными отъ власти кесаря!

Теперь разсмотримъ отдѣльно путь кесаря. Повторяемъ, это

мы дѣлаемъ только для ясности и просимъ отъ образовъ и сравненій не требовать строгой и даже суровой точности. Обычно путь касаревъ бываетъ иной, чѣмъ путь Божій, у же въ силу самыхъ возложенныхъ на кесаря особенныхъ обязанностей. Ничто не мѣшаетъ кесарю идти и по этому своему собственному пути. И тутъ также возложенъ постоянный прогрессъ. Обыкновенно путь кесаревъ, въ отличіе отъ пути Божія, бываетъ весьма широкъ и удобенъ. По сторонамъ пути кесаря тянутся великолѣпныя здапія, развертываются великолѣпные виды, виднѣются богатыя помѣстья, и на лугахъ пасутся многочисленныя стада. Не всѣ предметы, видимые на этомъ пути, принадлежать кесарю: онъ раздѣлилъ (не могъ не раздѣлить) свою власть надъ ними съ своими подданными. На нѣкоторыхъ предметахъ ясно виднѣются печать и изображеніе кесаря: эти предметы принадлежать ему, онъ долженъ владѣть ими уже въ силу самого гражданскаго права. Отношенія этого отдельнаго пути кесаря и лицъ, слѣдующихъ за нимъ, къ пути Божію, многоразличны. Во первыхъ, путь кесаревъ можетъ направляться параллельно божественному пути. Во вторыхъ, можетъ отклоняться отъ него подъ различными углами, измѣряемыми дугами различныхъ величинъ. Но въ какомъ бы отношеніи путь кесаревъ ни находился къ пути Божію, едва ли не правильно будетъ признать, что всѣ вопросы о такъ называемомъ отношеніи государственной власти къ церковной и паоборотъ, о раздѣленіи той и другой власти, и, конечно, о разныхъ „вѣдомствахъ податныхъ сборовъ“ и „податныхъ системахъ“ могутъ возникать только на пути, принадлежащемъ кесарю. Отношенія людей къ кесарю, па его собственномъ пути, также многоразличны. Одни идутъ съ кесаремъ все впередъ и впередъ. Другіе (современные Христу іудеи, революціонеры и проч.) останавливаются около предметовъ, принадлежащихъ кесарю, и, изъ ненависти къ нему, стараются разрушить его зданія, вырвать съ корнемъ носаженныхъ имъ растенія. Не трудно видѣть изъ предыдущаго, что это люди не прогресса, а регресса, такъ какъ, *не находясь на пути Божиемъ*, они слишкомъ подолгу останавливаются на пути, принадлежащемъ кесарю, и замедляютъ движе-

ніе другихъ и самого кесаря. Съ другой стороны, люди отличающіеся лестію и низкопоклонствомъ (современные Христу иродіане и имъ подобные), ничуть не лучше предыдущихъ. Потому что какъ сопротивленіе кесарю, такъ и лесть ему, начиная отъ тончайшихъ и высокопарнейшихъ ея проявленій, и кончая циничными ябедами римскихъ доносчиковъ (*delatores*), никогда и ничего болѣе не обозначаютъ, какъ только или высокое уваженіе, или любовь, или даже слишкомъ сильное пристрастіе—къ предметамъ, принадлежащимъ кесарю!

Переходимъ къ разсмотрѣнію суда надъ Спасителемъ у Пилата. По словамъ Моммсена, въ дѣлахъ, касавшихся только римскихъ гражданъ, и уголовная и гражданская юстиція въ Ізраїлѣ была предоставлена вѣдѣнію римскихъ судовъ даже еще до присоединенія страны къ имперіи; но въ дѣлахъ, касавшихся однихъ іудеевъ, гражданское судопроизводство оставалось преимущественно въ рукахъ мѣстныхъ властей. Эти же власти, по всему вѣроятію, завѣдавали и уголовной юстиціей надъ іудеями, сообща съ римскимъ прокураторомъ: только смертныхъ приговоровъ они не могли приводить въ исполненіе безъ согласія императорскихъ должностныхъ лицъ. Намъ извѣстны некоторые факты такого смѣшанного судопроизводства. Когда Иродъ подозрѣвалъ своихъ сыновей, Александра и Аристовула, въ намѣреніи лишить его жизни, то Августъ послѣдовательно послалъ ему собрать собраніе въ Беритѣ, гдѣ жили римляне, и произвести судъ вмѣстѣ съ ними. Квинтилій Варъ вмѣстѣ съ Иродомъ судилъ его сына Антипатра. Квириній, прибывъ съ небольшимъ войскомъ въ Сирію, производилъ въ народѣ судъ. Судъ надъ Спасителемъ, если и не былъ смѣшанный, то производился, такъ сказать, въ двухъ инстанціяхъ¹⁾.

1) Всѣ эти и подобные факты естественно выдвигаютъ передъ нами вопросъ, какое отношеніе имѣетъ римское гражданское право къ евангельскимъ событиямъ? Разрѣшеніемъ этого вопроса недавно занялся одинъ англійскій писатель Bus, написавшій объ отношеніи римского гражданского права и исторіи римлянъ вообще къ новому завѣту небольшую книгу (*The Roman Law and History in the New Testament*). Изъ нея мы отчасти беремъ свѣдѣнія для настоящей статьи. Книгу Бэсса нельзя считать результатомъ обширныхъ и самостоятельныхъ научныхъ изведеній. Историческая часть ея не представляетъ

Спаситель взятъ быль подъ стражу въ ночь съ четверга на пятницу. Мы знаемъ, что вмѣстѣ съ іудеями для взятія Его была отправлена спира, или когорта, подъ начальствомъ хиліарха. Спира или когорта, въ римскомъ легіонѣ (по Іос. Флав. около 6000 человѣкъ) состояла изъ шести центурій по 100 человѣкъ въ каждой, или трехъ манипулъ по 200 челов., и заключала въ себѣ, следовательно, 600 человѣкъ. Предполагать, что для взятія Спасителя была отправлена вся когорта, нѣгъ впрочемъ никакой надобности. Но вѣроятно число воиновъ было болѣе ста; иначе спирой командовалъ бы не хиліархъ, а центуріонъ, или сот-

въ себя ничего новаго. Обращаетъ на себя вниманіе лишь попытка Бесса сблизить римское гражданское право съ новозавѣтной исторіей и такимъ образомъ дать вѣкоторое новое осеніеніе новозавѣтнымъ событиямъ. Съ этой стороны книга Бесса довольно интересна. Намъ кажется, впрочемъ, что авторъ не обратилъ должнаго вниманія на вѣкоторые евангельскіе факты, которые могутъ быть объяснены преимущественно съ точки зреія римского гражданскаго права. Въ энкапахъ XII таблицъ есть напр. законъ о такъ называемемся у римлянъ „торжественному самоуправствѣ“, важнейшимъ выраженіемъ котораго служило „судопроизводство посредствомъ наложенія руки“ (*legis actio per manus iurisdictionem*). Право это первоначально дѣйствовало „безъ всякаго участія общественной власти“. Послѣ вѣдалось консуломъ, а съ 335 г. до Р. Х. стало вѣдаться преторомъ. Нѣть никакихъ оснований предполагать, что оно прекратилось у римлянъ ко времени жизни на земль Спасителя. Акты „торжественного самоуправства“ не были впрочемъ случаями дикой разнѣи, но правильно организованными формами судопроизводства, а „судопроизводство посредствомъ наложенія руки“ примѣнялось обыкновенно къ случаямъ взысканія долга съ неисправнаго должника, котораго кредиторъ самъ или съ помошью другихъ силъ приводилъ въ судъ. Въ судѣ кредиторъ требовалъ уплаты долга. Если должникъ оѣбѣчалъ, что уплатить не можетъ, и никто не являлся для его защиты, или если судья признавалъ защиту недостаточною, то въ такихъ случаяхъ „кредиторъ вѣлъ должника къ себѣ, сязывалъ его или сковывалъ“. „Узничество продолжалось шестьдесятъ дній; въ это время три раза, въ пундии (торговые лини), узникъ приводился къ претору въ *comitium* (собраніе) и здесь обываялась громогласно сумма долга, лежащая на узнике. Если послѣ всего этого долгъ оставался не выиначенъ, то должникъ отдавался кредитору въ кабалу или продавался за Тибръ“. Не дѣйствовало ли это право и въ Гудѣ около времени Христа Спасителя? Если дѣйствовало, то нельзя ли находить въ Мате. V, 25, 26; XVIII, 28—31 указаній именно на это судопроизводство посредствомъ наложенія руки? Не исполняютъ ли лица, упоминаемыя Мате. XVIII, 31 обязанности такъ называемыхъ римскихъ *vindex'овъ*? Не указываютъ ли именно на римское судопроизводство и римскія монеты, упоминаемыя Спасителемъ, квадрантъ (*quadrans*) и динарій?

никъ. Нужно думать, что Пилатъ¹⁾, бывшій въ то время римскимъ прокураторомъ въ іудеѣ, зналъ Христа, если не лично, то по крайней мѣрѣ заочно. Во время суда онъ стремится освободить божественного Узника и вообще ведетъ себя такъ, какъ будто ему были известны некоторые обстоятельства изъ Его жизни. Пилатъ зналъ, напр., что іудеи предали Христа изъ зависти. Обращаетъ на себя вниманіе сонъ жены Пилата²⁾, который мы можемъ объяснить только на основаніи нѣкоторыхъ соображеній психологического характера. Наши сновидѣнія, по крайней мѣрѣ въ своихъ частностяхъ, обыкновенно не выходятъ изъ предѣловъ полученного нами слытва, хотя комбинаціи этихъ частностей и могутъ быть для насъ совершенно новы. Бѣднякъ, если видитъ себя во снѣ на пиру у богатыхъ людей, єсть только тѣ кушанья, которыхъ были знакомы ему раньше. Мы не видимъ во снѣ лицъ, о которыхъ никогда ничего не слыхали и которыхъ не видали, хотя бы на портретахъ. Если жена Пилата видѣла во снѣ Спасителя, то есть большая вѣроятность предполагать, что Онъ раньше былъ хотя сколько-нибудь ей известенъ. А если былъ известенъ ей, то нисколько не удивительно, что чрезъ нее сдѣлался известенъ и Пилату. Послѣдній могъ впрочемъ получить свѣдѣнія о Немъ и изъ другихъ источниковъ. Спира не могла отправиться для взятія Спасителя безъ особаго разрешенія Пилата.

Спаситель былъ приведенъ къ нему уже приговоренный къ смерти незаконнымъ іудейскимъ собраніемъ. Но іудеи не могли предать Его смерти безъ особаго разрешенія римской власти. Однимъ римлянамъ принадлежало *jus necis aut capititis*, т. е. право помилованія или осужденія на смерть. Судъ у Пилата начался, по техническому выражению римскихъ юристовъ *de*

¹⁾ О происхожденіи Пилата ничего не известно. Даже самое имя его объясняется различно. Въ нашемъ символѣ вѣры читаемъ: при Понтийскомъ Пилатѣ. Но нѣмецкіе ученые (напр. Граммъ), а за нихъ и многіе другіе, говорятъ, что Понтий—имя, а Пилатъ—фамилія.

²⁾ По преданию Прокла. По словамъ иностранныхъ церковныхъ писателей она причислена греч. церковю въ лику святыхъ. Ср. мѣсяц. архиеписк. Сергій, 2-е изд. 1901 г. подъ 25 и 27 октября. Въ нашихъ мѣсяцесловахъ имени „Проклы“ нетъ.

пово (снова). Нужно замѣтить, что римскій гражданскій и уголовный процессъ раздѣлялся обыкновенно на двѣ части: одна называлась *jus*, другая *judicium*. Въ первой части, или *in iure*, судья или суды освѣдомлялись о характерѣ преступленія, и если оно было нарушеніемъ какого либо права, то передавали дѣло и преступника въ *judicium*. Переводя эти выраженія на русскій языкъ и нравы, мы могли бы, ради ясности, назвать *jus* предварительнымъ слѣдствіемъ или доznаніемъ, а *judicium* собственно судомъ, хотя, конечно, характеръ какъ слѣдствія, такъ и суда рознился отъ нашихъ, а при императорахъ въ нихъ сдѣланы были нѣкоторыя нововведенія, отличавшія ихъ отъ раннѣйшихъ формъ римскаго судопроизводства. Если, при разсмотрѣніи суда надъ Спасителемъ, мы введемъ эти термины, то для насъ прояснятся нѣкоторые факты, которые безъ того были бы для насъ совершенно непонятны. Судъ надъ Спасителемъ происходилъ, какъ нужно думать, въ бывшемъ дворцѣ Ирода, занятомъ теперь Пилатомъ, и названномъ „Преторіей“. Слово *praetorium* на полѣ битвы означало палатку претора, или генерала, или главнокомандующаго; въ провиніяхъ такъ называлась офиціальная резиденція губернатора, кѣмъ бы онъ ни былъ, преторомъ, проконсуломъ, императорскимъ легатомъ или прокураторомъ. Въ Римѣ такъ часто назывались какой-нибудь большой домъ или дворецъ; въ Римѣ—дворецъ императора и лагерь преторіанской гвардіи. Къ характеристикѣ римскаго суда относится то, что онъ былъ всегда открытъ, и въ настоящемъ случаѣ былъ противоположенъ іудейскому суду, который совершился тайно.

Пилатъ ведегъ себя сначала именчо такъ, какъ было свойственно римскому судью, и именно въ первой части римскаго процесса, или *in iure*. Онъ прежде всего освѣдомляется о характерѣ преступленія. „Въ чёмъ вы обвиняете человѣка сего?“, *τινὰ κατηγορίαν φέρετε κατὰ τοῦ ἀυδρόπου τούτου;* обвинители должны были указать на какое нибудь опредѣленное преступленіе. Но ихъ указаніе первоначально отличалось общностію, не удовлетворительною для римскаго судьи. Они сказали, что Человѣкъ Этотъ есть *κακοποῖος*, *malefactor*, злодѣй. Пилатъ

подумалъ, что здѣсь разумѣется какое-нибудь преступленіе противъ іудейскихъ законовъ и сказалъ: „возьмите Его вы и по закону вашему судите Его“. Иудеи отвѣчаютъ: „намъ не позволяю предавать смерти никого“. Чтобы, такъ сказать, не проиграть дѣла, они возводятъ на Христа новое, страшное обвиненіе, и притомъ чисто римского характера, стараясь, повидимому отклонить Пилата отъ подозрѣній, что Спаситель является преступникомъ только противъ іудейскихъ законовъ. Пилатъ не могъ оставить безъ разсмотрѣнія этого обвиненія и судъ начинается снова. Такимъ образомъ обвиненія іудеевъ можно разчленить на три части. 1) Христотъ развращаетъ народъ; 2) запрещаетъ давать подать кесарю; 3) называетъ Себя Христомъ Царемъ. Первое обвиненіе было уже отвергнуто Пилатомъ; второе было также неопределено и, можетъ быть, не оправдывалось даже вымышленными фактами. Но третье было очень серьезно. Это было преступленіе противъ государства. Въ раннѣйшія времена республики оно было известно подъ словомъ *perduellio*, заговоръ или злоумышленіе противъ государства, отъ слова *duellum* (= русск. дуэль), бывшаго древней формой вместо *bellum* (война). Такое преступленіе наказывалось смертію, или же, по техническому выражению римского права, „запрещеніемъ огня и воды“ (*aqua et ignis interdictio*), что почти равнялось смертному приговору. Первоначально это преступленіе не было определено точно. Оно охватывало такие преступленія противъ государства, которые дѣлали преступника врагомъ его, напр., когда онъ вступалъ въ заговоръ противъ правительства, допускалъ нарушеніе военной дисциплины, или помогалъ врагамъ Рима. Такой человѣкъ назывался *perduellis*, бунтовщикъ, что равнялось *hostis*, врагъ. Постепенно терминъ *perduellio* вышелъ изъ употребленія и замѣнился *majestas*. Это есть, повидимому, сокращеніе болѣе полной формулы *crimen laesae majestatis* (также *minuta*, *imminuta* или *deminuta* *majestatis*). оскорблѣніе величества Впрочемъ *majestas*, употребляемое само по себѣ, не означаетъ здѣсь „величество“, а „величіе“ преступленія, такое преступленіе, выше которого ни одного преступленія не могло быть,—подобно тому, какъ у насъ, напр., элек-

трические токи, открытые Вольтою или Амперомъ, сокращено называются вольтами или амперами. Одинъ римскій юристъ различаетъ между *majestas*, которые есть и не есть *perduellio*. *Majestas* опредѣляется тѣмъ же юристомъ, какъ *crimen adversus populum Romanum vel adversus securitatem ejus* (преступленіе противъ римскаго народа или противъ его безопасности). При императорахъ словомъ *majestas* стали обозначать исключительно преступленія противъ величества. Результатъ суда, какъ и въ другихъ случаяхъ, выражался по такого рода преступленіямъ формуламъ: *condemno* (осуждаю), *absolvo* (освобождаю) и *non liquet* (недостаточно). Въ послѣднемъ случаѣ судья произносилъ еще *amplius*, т. е. вполнѣ,— это значило, что дѣло требовалось изслѣдоватъ вполнѣ и изслѣдованіе начиналось снова и продолжалось до тѣхъ поръ, пока судьи не въ состояніи были произнести окончательного приговора. Такія формальности, впрочемъ, не были строго соблюдаены въ провинціяхъ, особенно въ дѣлахъ лицъ, которымъ не покровительствовалъ законъ.

Услышавъ обвиненіе, Пилатъ сразу же обращается ко Христу съ вопросомъ: „Ты Царь іудейскій?“ или для яспости измѣнилъ вопросъ: „Царь ли іудейскій Ты?“ Господь отвѣчаетъ: „отъ себя ли ты это говоришь, или другіе сказали тебѣ обо мнѣ?“ Предлагашь ли ты Менѣ вопросъ только въ качествѣ римлянина, называешь ли ты Меня Царемъ въ римскомъ смыслѣ, или же въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову другіе? Пилатъ отвѣчаетъ, что въ римскомъ. Онъ—не іудей. Народъ и первосвященники предали ему Христа. Что Онъ сдѣлалъ? Христосъ объясняетъ, что Онъ Царь не въ римскомъ и не въ іудейскомъ смыслѣ. Онъ—Царь истины. Если бы Господь назвалъ себя *rex sacrorum*, царемъ жертвоприношеній, или *rex causarum*,—царемъ (правителемъ) судебныхъ дѣлъ, то эти выраженія могли бы быть достаточно понятны Пилату. Но *rex veritatis!* Что это такое? Что это за область, падъ которой Спаситель именуетъ Себя Царемъ? Она не представляла изъ себя, такъ сказать, ничего осознательнаго для римлянина. Ни изъ одного, извѣстнаго тогда сочиненія по географіи, овъ не могъ узнать, гдѣ находится эта

область. Для нась все это представляется страшнымъ, трагическимъ; но тогда это было естественно. Самое слово *veritas*, истина было для Пилата неопределено. Римскіе и греческіе философы научили его относиться скептически къ самому этому слову. Должно быть предъ Нимъ человѣкъ, въ лучшемъ случаѣ увлекшійся какою нибудь вздорной и неосуществимой идеей! Никакой связи между царствомъ или господствомъ надъ міромъ и этимъ царствомъ въ области истины Пилатъ не могъ усмотрѣть. Около Спасителя не было людей, подвизающихся за Него. Совокупность всѣхъ этихъ и подобныхъ соображеній вызвала въ судиѣ убѣжденіе въ неповинности Подсудимаго, Результатомъ первоначального изслѣдованія дѣла было *absolvo*, а не *condemno*, какъ утверждаетъ Кеймъ.

Что оставалось дѣлать Пилату послѣ произнесенія своего оправдательного приговора? Прогнать іудеевъ, употребивъ для этого власть, какъ это сдѣлалъ бы честный судья, какъ это сдѣлалъ, напр. проконсулъ Галліонъ въ Ахаї (Дѣян. XVIII. 16) во время суда падъ св. ап. Павломъ. Не такъ поступилъ Пилатъ. Онъ велѣлъ бичеватъ Узника и предалъ Его страшной смерти. Для нась все это не вполнѣ понятно. Какимъ образомъ можно было наказывать невиновнаго? Но поведеніе Пилата объясняется съ точки зрењія тогдашнихъ римскихъ нравовъ. Римляне давали своимъ правителямъ областей полную власть, предпочитая „острую бритву тупому ножу“, для противодѣйствія же произволу отыскивали другія средства. Пилатъ, слѣдовательно, могъ не бояться отвѣтственности. Даље, известны такие факты. Одинъ изъ римскихъ законовъ постановлялъ денежный штрафъ противъ того, кто будетъ мѣшать плебейскому трибуну вести рѣчъ предъ пароднымъ собрапіемъ. Въ такомъ случаѣ виновный долженъ былъ представить поручителя въ уплатѣ штрафа, а если не представлялъ, то подвергался смертной казни. Для нась такой переходъ представляется чудовищнымъ, но тогда онъ казался естественнымъ. Извѣстно также, что, по римскимъ законамъ, лицо, которое написало, или сказало, или пропѣло оскорбительный пасквиль, стихи на другого гражданина, должно было подвергнуться очень тяжкому наказанію, его забивали палками или розгами.

Наконецъ, мы должны припомнить о различіи судопроизводства *in jure* и *in judicio*, хотя бы термины эти и нельзя было примѣнить строго въ дѣлѣ суда надъ Спасителемъ. Первое ограничивалось судоговореніемъ, но второе отличалось совсѣмъ инымъ характеромъ. Мы знаемъ, что *in judicio* употреблялись даже пытки, которымъ подвергали первоначально только рабовъ; но во время имперіи пыткамъ, смотря по обстоятельствамъ, подвергались и свободные и притомъ не только обвиненные, но и свидѣтели. Отъ пытокъ освобождены были только нѣкоторыя знатныя лица, также сенаторы, декуріоны и воины, но—не въ дѣлахъ обѣ оскорблениі величества или въ такихъ, въ которыхъ подсудимые обвинялись въ магії (черномъ искусствѣ, чародѣйствѣ). Пытки происходили въ суде, совершились палачами подъ надзоромъ какого либо члена суда, и показанія лицъ, подвергшихся пыткамъ, записывались и представлялись суду.

Моментъ, съ которого состоялась передача Спасителя въ *judicium* (если только была соблюдена эта форма), опредѣлить трудно. Можетъ быть со времени отосланія Спасителя къ Ироду. Мы замѣчаемъ, что Иродъ не спрашиваетъ Спасителя обѣ Его виновности,—хотя и предлагаетъ Ему вопросы,—и только унижаетъ Его и издѣвается надъ Нимъ. Можетъ быть въ умѣ Ирода уже сложилось какое либо убѣжденіе въ виновности Подсудимаго. Въ умѣ Пилата такое убѣжденіе могло сложиться съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ дикихъ воплей разъяренной толпы. Преступленія нельзя было открыть изъ разспросовъ. Но дикие вопли: распни Его! могли показать Пилату, что Спаситель совершилъ все-таки какое нибудь неизвѣстное и неопределеннное преступленіе. Съ упорствомъ же іудеевъ Пилатъ былъ знакомъ по опыту. Былъ случай, когда онъ встрѣтился съ нимъ въ Кесаріи по поводу знаменъ, выставленыхъ въ Іерусалимѣ, и долженъ былъ уступить. Это былъ судья неправедный человѣкъ отличавшійся низкимъ нравственнымъ характеромъ, корыстолюбивый, жестокій, любившій наслаждаться видомъ крови. Подъ вліяніемъ народныхъ криковъ онъ начинаетъ страшно колебаться и даже забываетъ, что онъ—римлянинъ; лишь бы уѣхать народное

полненіе, онъ начинаетъ дѣйствовать, какъ іудей, съ точки зрења іудейскихъ, а не римскихъ законовъ. Таковъ былъ совершенный имъ обрядъ омовенія рукъ предъ народомъ, который, хотя существовалъ у римлянъ, въ рассматриваемомъ случаѣ является чисто іудейскимъ. Даже самыя слова: „неповиненъ я въ крови Праведника сего“, суть, по замѣчанію Эдершайма, гебраизмъ. Все поведеніе Пилата, по словамъ того же писателя, есть смѣсь „презрѣнія, цинизма и страха“.

Скорбныя события бичеванія Спасителя и распятія Его достаточно извѣстны изъ евангелій. Обратимъ вниманіе, только на одно обстоятельство. Предъ распятіемъ Господь одѣтъ былъ въ собственные Свои одѣжды. „Это, по словамъ Кейма, соотвѣтствовало римскому достоинству и предусмотрительности, потому что возвеличеніе іудеевъ предъ народомъ римскимъ воинамъ было строго воспрещено подъ страхомъ смертной казни“. За правильность такого объясненія впрочемъ ручаться не можемъ.

Въ осужденіи Спасителя и затѣмъ преданіи Его крестной смерти римляне были виновны столько же, сколько и іудеи. Единственнымъ оправдaniемъ для тѣхъ и другихъ можетъ служить только то, что они совершили свое преступленіе по невѣдѣнію. Нѣкоторые изъ римлянъ скоро раскаялись въ своемъ проступкѣ. Когда тьма покрыла всю землю и потряслась самая земля, то стоявшій при крестѣ римскій сотникъ, быть можетъ, по ясновѣ исполнявшій всѣ жестокости и участвовавшій во всѣхъ ужасахъ Голгофы, пораженный знаменіями, сопровождавшими смерть Господа, воскликнулъ изъ глубины души: „истинно Человѣкъ Тотъ былъ Сынъ Божій“. Прошло немногого столѣтій послѣ того, какъ раздался изъ глубины души римского сотника этотъ крикъ, и тѣ же римляне, какъ народъ, стыдясь поступка своихъ жестокихъ собратьевъ, должны были, предъ всѣмъ міромъ, сознаться въ своемъ давно минувшемъ заблужденіи, и съ этими словами римского сотника, стоявшаго когда то при крестѣ и принимавшаго участіе въ распятіи Спасителя,—согласиться.

Свящ. М. Овецьскій.